

* * *

Спит Алеша, и снится голос странный ему. Тихий, ласковый шепоток, шипоток, холодок, и мурашки бегут от голоса по спине... Не бегут они. Разбегаются.

– Спи, Алеша...

Мертвый сон. Вечный сон. Стало солнце небом над миром, превратило воздух в кисель, расплавил травы. Птицы не поют, облака не бегут, вот вам варево небесное, адское жарено полуденный зной... в нем и жук не жужжит, и муравь не бежит, и шмель не гудит... И засохла, сгорбилась каждая травка...

Проверять заходит на цыпочках бабушка, спит ли? Дом скрипит под бабушкой, бабушку выдает.

– Спать не будешь, маме все расскажу...

Столько жизни в нем, столько радости, любопытства столько в нем – как там все... майский жук, вишневая косточка, мандарин... за калиткой как... как река... Без тебя течет, без тебя по ней облака, без тебя рыбы плещутся... стрекоза висит над поляной, без тебя растет трава, куриная слепота, Алеша-Алешенька... из тебя растет она. Из тебя...

Спать не хочет Алеша наш, думает... Может, мертвые тоже?..

Мертвый сон, вечный сон... Хоть какой-нибудь комар укусил бы за ногу, разбудил, хоть какой-нибудь грянул гром. Ничего... тишина... кисель маревый, ветерок не шелохнет занавески... И баюкает мальчика нашего голос чудный... Навсегда... на веки вечные спи...

– Спи... Алеша...

* * *

Говорит сырая черная страшная, дышит холодом в щели подпола – я бездонная, я голодная, всех я вас проглочу, проверчу, в себя превращу. Все моими будете. Все... Правду, мальчик, мне говори. Правду мне говорят. Мне одной врать нельзя, Алеша-Алешенька, ты кого больше любишь, бабушку или маму? Пожалей тебя, послушного мальчика, кого меньше любишь, того забери. Выбирай, Алешенька, выбирай...

Молчит Алеша, в уголок кровати забился, одеялом укрылся. Бабушку меньше мамы любит Алеша, и чем меньше любит бабушку, тем сильнее...

– Проглотила дедушку, папу твоего проглочу.

У кого нет правды самому выбирать, я сама выбираю...

Забился в угол Алеша, и слышно ему, как скрипит под землей-землей подземное чудище...

– От меня, Алеша, не спрячешься... от меня, Алеша, не вырвешься... Выбирай... выбирай...

Зашла в горницу бабушка, Алешу будить, а его-то и нет. Нет Алешы нигде, и постель его не застелена. Третий раз обежала участки бабушка... маме нужно звонить... Из-под дверцы подпола шорох, голос странный чудится, мыший писк...

– Господи... что ты тут делаешь...

Ничего не делает. Выбрал.

* * *

Отгремели грозы, прошли дожди. Отряхнулся сад, засиял, запел. Синева...

– Проклятушие, сколько ж вас?

У калитки не стой, а переступай, не сиди на месте спиной к врагу. Кровопийцы проклятые, вурдалаки. За шлепками шлепки, кто вкусней из дачников, кто свежей, и одеколон им бабушкин нипочем. Ореолом звенящим кружат над каждой дачной головой вечерние ненасытные мессершмитты. Где один комар в горнице – там бессонница. Где нет черта – три комара.

И сидит весь вечер Алеша на лавочке. Наблюдает, как взлетают с площадок посадочных красные шарики. Тяжело летят, низко... даже прыгать не нужно лягушкам. За лягушкой охотится кот, за котом охотится Жучка, за Жучкой собачник...

– Ты бы шел, Алеша, домой, загрызут же до смерти, закусуют...

На одной ноге насчитали с бабушкой семь укусов, прямо россыпью на другой...

Так весь сад прокормил собой наш Алеша.

* * *

Шапку дедушкину с ушами Алеша надел, голова в ней до плеч утонула. Невидимка-шапка у дедушки. Ничего в ней не видно...

И открыл Алеша невидимости секрет, заодно и телепортации. Никакая шапка тут не поможет, волшебство ни при чем. Если спрячешься под столом, отодвинет бабушка скатерть, заглянет – найдет. Ни за что не окажешься в другом месте.

Чтобы стать невидимым, нужно просто уйти далеко, и когда совсем здесь исчезнешь, появившись там. То есть телепортируешь. Постепенно. Чтобы видимым стать, нужно просто вернуться к калитке. Если б были бы еще у Алешы скороходные сапоги...

И устал Алеша. Труден труд предобеденный, под полуденным небом, 30 градусов, бабушка сказала, в тени, и дождя Гидрометцентр не обещает. Из такой вот кучи-кучиши город попробуй построй-возведи, водопровод проведи... Устал в песочной куче му-

Не пойдет. Обиделся.
Не пойдет.
Побежал, ревя, за ними к калитке. Перекрыл дорогу свою, в уезжающем направлении. Потрепали по голове, обошли и ушли. Ничего ты, Алеша, тут не поделаешь.

равнину жизнь устраивать. Им устраиваешь, строишь, возводишь, копаешь каналы, переходы, мосты, наполняешь моря, колодцы, а они тебя же кусают. Вон, все руки изгрызены, попа чешется... сами пусть теперь строят.

И пошел Алеша домой, калитку открыл, видит, дедушка сидит на скамейке. Сидит дедушка, точит ножи, на наследном круглом с ручкой точильном Алешинем камне. Это вы удивились бы, что сидит. А Алеша не удивился. Далеко ушел дед, стал невидимым. А теперь вот вернулся. Подошел Алеша, сел рядом.

– Здорово, Алешка... как дела твои, большевик? Что не точишь ножи?
– Точу...
– Плохо точишь. Лучше точи. Понял деда-то?
– Понял...

Посреди «дороги разного направления» лужа бездонная, в луже небо, в небе пивавки черные, головастики, птицы. Всего понамешано. Только что пролетел самолет. В лужу солнце садится, солнце встает, и все бегают, лужу меряют водомерки. Зря. Нет у лужи этой конца. Бесконечная лужа. Ходит берегом, водит палочкой в небе Алеша. Сколько ни идет этим берегом, столько же впереди.

Только что приехали папа с мамой, а уже уезжают. Мама ищет то пудреницу свою, то расческу...

говорит, автобус уйдет, говорит, сейчас опоздаем... Смотрит удивленно Алеша на стенные часы. Чем дальше по кругу стрелка вперед, тем больше в запасе времени.

– Что насупился, провожать-то пойдешь?
Не пойдет. Обиделся. Не пойдет.

Побежал, ревя, за ними к калитке. Перекрыл дорогу свою, в уезжающем направлении. Потрепали по голове, обошли и ушли. Ничего ты, Алеша, тут не поделаешь.

И прошло тридцать лет с тех пор. Нет ни бабушки, ни беседки. На полянке в тени, под Мышкиным деревом, коляска стоит, марлечкой от комаров занавешена. А в коляске Степан лежит, пузыри пускает, как рыба молчит... Не Степан, Степан Алексеевич.

ВЕЧНЫЕ ТОЛЬКО ГОЛУБИ

Что я помню, что помните вы? С какой минуты, с какого, но обязательно светлого, ясного дня, начинается все, что было?

Химки, лето, расписание пригородных электричек у касс, налетевший скорый вздымает вихрь тополиной ваты. «Пирожки! Горячие пирожки...» – с картошкой, с капустой, со счастьем. В трещине асфальта цикорий, синий-синий цветочек с южной жаркой земли, полынь, шиповник в пыли, в дырке бублика портрет сердитой бабушки в профиль – «Бабушка промокает лицо билетиком», «Бабушка на пеньке», «Бабушка на скамейке»... «Бабушка ест мороженое»...

– Саня, хватит.

«Бабушка заметила, что я смотрю из бублика на нее».

Бублик не ватрушка с повидлом, у него внутри ничего. Это замечательно вкусно. В бублике небо. В бублик врывается скорый. Раскаленный солнечный смерч, протяжный гудок, белье занавески, вагоны, купе, дальние перроны, реки-горы-моря, поезд мчится сквозь время и исчезает в будущем, оставляя нас с бабушкой в прошлом. Там, где-то там, вдали, пассажиры все как один счастливые этой девочки с бубликом со станции ДК «Родина». Пух оседает. Неподвижна очередь за мороженым, и опять в иллюминаторе бублика бабушка. Лето. Химки.

Щенята, цыплята, котята в коробках – «ба, ну баб, ну купи, купи! Хоть кого-то...» Наконец-то, за три копейки, в волшебном ящике счастья одиннадцатого автобуса, достался счастливый билет. Посчитаешь, загадаешь и зачем-то съедаешь счастье.

Остановка, лавочка, три старушки, горбушка, голуби, воробьи. Анька говорит, воробьи – это дети ворон, но я видела один раз вот совсем седого, хромого старого вóрубя, видела, как кот один убил голубя, утащил в кусты доедать. Косточки черешни в пыли... «Саш, не шаркай, не горбись, Саш, распрямись! Не дергай уши, будут как у слона...» Липа зацвела, бабушка жива, на автобус 14:45 опоздали. «Скоро, ба?» – «Через полчаса». – «Скоро, ба?» – «Через полчаса». – «Скоро, ба?..» Время здесь не идет, а каждый автобус уходит в лето.

Гидрометцентр обещает дожди, круговорот в природе воды, зимой язык прилипает к замку, если «Правда» лежит на трюмо, значит, папа уже вернулся. Люди никогда не вырастают из своих трельяжных зеркал, а вечные только голуби.

Длинный дом, гастроном, овощной, детский сад, девятая поликлиника. Запах жареной картошки из форточки, распахнутой в старый двор, игровые автоматы через дорогу, детский мир, спортивный, хозяйственный, комиссионный, почта, булочная, аптека... Телефонный автомат на углу...

Но днем захватчики со шпионами не полезут, а ночью бабушки нас запирают. Запирают нас от долгопрудных грабителей с топорами и вилами, от собачника с ржавым ножом, от хмурого косаря, что острой косой покосил на заре весь луг, от того, что прячется там, в темноте неведомой, туманов, лесных болот, русалок, леших, кикимор, ведьм...

Пять копеек на метро.

Две копейки позвонить маме.

В утреннем тумане звон умывального колокольчика, сиреневый снег в ведре, ветер открывает и закрывает калитку. Четыре тополя гафель-мачт, между мельбой и коричной папин гамак ловит сетью солнечный островок, хлопают паруса простыней, крокодилы-прищепки с ржавым прикусом от веревки. При боковом муссоне, параллельно малинным рядам, бригантна старого сада, стертая временем, берет курс на 2021-ю вечность.

Скорость хода один год в год, минута в минуту, час в час. Гребневый винт назад, цепь чуть-чуть припустить, ведро поставить на край, придержать горячий от солнца ворот, изъеденный древесным жучком, отполированный прикосновением ладоней, и отпустить! Отскочить! Чтобы не убило скоростью возвращения. И земля загудит под сандаляками, что-то ухнет там, в каменной сырой глубине, звякнет, натянувшись, и закончится цепь, и бездонный колодец вечности откликнется гулким эхом. А теперь налегай ручонками от винта, и попробуй, не

расплескав, поднять эту ледяную, живую и сладкую подземную воду.

Анька говорит, что колодец прорыт насквозь, до самой Америки, и что нужно караулить его, когда полезут захватчики и шпионы. Но днем захватчики со шпионами не полезут, а ночью бабушки нас запирают. Запирают нас от долгопрудных грабителей с топорами и вилами, от собачника с ржавым ножом, от хмурого косаря, что острой косой покосил на заре весь луг, от того, что прячется там, в темноте неведомой, туманов, лесных болот, русалок, леших, кикимор, ведьм... Запирают от одиночества, неизвестности, всех потерь, но дверь едва держится на петлях, а крючок так просто откинуть. И мы с Анькой крадемся в будущее свое босиком, по стареньким половицам, главное, чтобы не скрипнули, не разбудили стражей наших бессменных, бабушек (бабушка Роза, Розалия Александровна Василевская, 1-я отдельная женская добровольческая стрелковая. Моя бабушка, Тамара Алексеевна Лечебрина, медсестра, всю войну тушившая зажигалки).

Мы стоим в темноте, едва узнавая друг друга в луне, слушая, как нам страшно, и так хочется взяться за руки, а лучше бежать, бежать! «Спасайся кто может!» «Атас!!!» – пока не закроешься опять на крючок, а будущее подбирается к нам тенями, шепчется в темноте, тянет щупальца... Оно близко. И моя отважная, самая храбрая девочка на земле, моя Анька, мне говорит: «Давай не пойдем?» И на это нужна особая, огромная смелость. «Не, ну Ань? А, Ань? А чего... пойдем, ну Ань, а чего?..» – шепчу я, прячась у нее за спиной, вцепившись в ее плечо, так шепчу, что только ветка качнись – и я побегу, забыв ее там одну, когда это, то, что там, ее схватит... утащит и разорвет, на кусочки-кусочечки, просто я не хочу, не хочу, мне страшно, я не хочу умирать, а то, оно, что ждет нас с ней впереди, ненасытно... Я предатель, я не герой, я даже не верю в Ленина... я иду за Анькой своей и богу молюсь... Бог, не трогай нас, Бог! Не трогай нас... Бог, не трогай...

Анька обещает нам с Мишкой на настоящем глобусе доказать, что колодец – насквозь, если прыгнуть, вынырнешь там, где притесняют негров с индейцами. Нужно просто взять «вот такую длинную дрель», глобус просверлить, посмотреть, и тогда увидишь небо Америки. А потом можно бросить в колодец бомбу. А если в нас? Но Анька говорит, у них еще нет такой бомбы. У нас гонка вооружений, потому что и у нас еще нет такой бомбы, но мы ее уже делаем. За беседкой лепим из глины бомбу огромную, мы с Мишкой еще запасные помельче бомбочки.

Сушим на солнечной стороне. Бомбы трескаются, но крепчают. Если бабушка даст нам черную краску, которой красят трубы, то вообще!.. Скоро мы уже пойдем их бросать, только глобус у Аньки в Москве, и сначала все-таки нужно проверить, потому что если колодец окажется не насквозь, то тогда наши бомбы взорвутся в нашей деревне. Что они взорвутся, мы уже проверили много раз. Наши бомбы взрываются от падения. Представляете, сколько падать им от нашего Терехова к Америке? Нужно сильно размахнуться и швырнуть бомбину об асфальт. Еще как разлетаются. Во все стороны. На кусочки. Мы бомбардируем пустырь и асфальтовый круг конечной одиннадцатого автобуса. Если бомбардировать борщевик, то бомбы, даже не разрываясь, перекосят все под чистую.

Чтобы проверить, насквозь ли от Терехова Америке, предлагается использовать вместо глобуса мяч. Нас – трое, мяч мой, мы склонились над ним молча, решительно. Я с гвоздем, Мишка с молотком, а Анька командует. Мяч – трах! – и взрывается. Мне тоже досталось. Я прыгаю и ору. У меня теперь синий палец.

Потом пошел дождь, и все наши бомбы размякли. Это нам еще повезло, что мы проверили прочность бомб на дожде. Нельзя бросать в колодец бомбы без обжига. Анькин папа дядя Валера сказал, что глину обжигают в огне, чтобы стала каменной. Завтра вечером, когда моя бабушка будет жечь ветки от яблони, которая вчера упала в грозу, будем обжигать наши бомбы в бочке. И вообще, зачем нам глина, если есть камни? Мы бросали и бросали камни в Америку, пока нас не поймала старушка. Вернее, хотела поймать, но мы убежали. Теперь нас, может быть, ищут, потому что та старушка кричала нам, что мы паразиты, диверсанты и отравители. «Это чьи ж такие-то, а? – кричала она. – А вот я милицию сейчас вызову! Паразиты...»

В общем, Анька теперь говорит, что на самом деле колодец прорыт не в Америку – *на Тот Свет*. Говорит, она видела, как собачник ночью из него вылезал, хмурый косарь из него выходил...

– А чего ты там ночью делала?

– Ничего не делала, я спала.

– Как же ты тогда видела?

– А я во сне вижу.

– И я тоже... – ошеломленно говорит Мишка.

А вчера идем к пруду через поле, бычков ловить, Анька подняла с земли ракушку, настоящую, розовую, с рогами, перламутровым ухом и куколкой, не такую, как у нас на канале. Повертела, оттерла майкой и говорит: «Это я ее во сне потеряла».

Я теперь беру с собой в сон фонарик, перочинный нож и кусок изоленды. Ищу во сне место, где зарыт клад, и когда найду, обмотаю лентой ближее дерево, чтобы днем вернуться и клад раскопать, потому что из сна ничего с собой не возьмешь, не положишь на тумбочку, бабушке не покажешь... Сколько раз уже было! Вернешься, спрыгнешь с коня, у крыльца привяжешь его, и течет, искрится под пальцами золоченая грива... Через мертвый сон, через синий брод, через огонь-лес пронес тебя он...

– Что ты бродишь, Сань? Потеряла чего? Садись завтракать.

И проснешься, зажав в кулак говорящего человечика, изумруд из города подземного, изумрудного, под кроватью мешок, набитый самоцветами, алмазами, сапфирами и рубинами... из драконьей пещеры яйцо, только что в пижамный карман положила...

– Господи... ты зачем под подушку-то изоленду?!

Это приключение еще впереди... давно позади. Я отсюда знаю, что будет. А будет так: спустя много лет я пойду нашим берегом и увижу огромное дерево с кусочком разорвавшейся под давлением синей вплавленной в кору изоленды. И найду свой клад. Свой секрет. Ушедший под землю не так уж и глубоко. Зеленое стеклышко, а под ним сокровищный фантик.

Возле остановки одиннадцатого автобуса, на пригорочке, под солнцем полуденным, когда в луже под лавочкой, отражаясь, проплывают, становясь из отражений тенями, белые облачка, путь на Тот Свет. И висит на цепи у колодца большая железная кружка. Я всегда из нее у бабушки пить прошу, когда жарко. Анька шепчет страшным-престрашным шепотом: «Один мальчик выпил из такой кружки, и его схватила за горло колодезная вода... насмерть мальчика задушила...»

«...Один мальчик приехал на каникулы к бабушке, бабушка послала его за водой, а он стал баловаться. Откинул крышку колодца и сначала ей хлопал, ему нравилось, как бабахает эхо. Потом ему надоело, он откинул дверцу совсем, наклонился над колодцем и стал кричать в него:

– Эй! Эй!

– Эй, эй... – отвечали ему разные голоса... потому что в колодце много тех, которые снизу...»

Эхо правда странная штука... «Ужинать! Ужинать!» – зовет бабушкин голос с того канальского берега, а канал переплыть нельзя. В нем людей перерезают ракеты...

И увидела бабушка, что я ужинать не иду, рассердилась. Вышла бабушка на крыльцо, ногой топ-

Смотрит мальчик на нас
из колодца, смотрит
из-под воды, из ведра,
и лицо у него то Анькино,
то Мишкино, то мое...

Под столом в беседке трехлитровая банка бабушкиных малосольных огурчиков, крыжовник уже поспел, красная смородина еще белая, скоро будет горох, бабушка сегодня жарит котлеты, а я смотрю с причала крыльца туда, где каждый встреченный пес мой друг, колодец ведет до Америки, бомбы превращаются в лужи, а чтобы взлететь, нужно только крикнуть птице «Мы с тобой одной крови».

нула, дверью хлопнула, испугался дом, заскрипел, завизжали ведра, задрожали полочки, стул подпрыгнул. И ударила бабушка крышкой кастрюлици, и послала за мной свое эхо... «Лети, эхо, той стороной, зеркальной водой, в песьей пасти, на крыле ворона, на горбе борова, через лес густой, через дом пустой, через мертвый сад, поле скошено, горе сношено, через сто сроков через забыти, через замети, оттуда сюда, отсюда туда, найди ее, приведи ее... Саша! Ужинать!..»

– Да иду...

«...А тот мальчик все кричал и кричал, а потом ему показалось, что там, внизу, из воды на него кто-то смотрит. Мальчик наклонился, чтоб получше его рассмотреть, встал на цыпочки, перегнулся...»

Смотрит мальчик на нас из колодца, смотрит из-под воды, из ведра, и лицо у него то Анькино, то Мишкино, то мое... Капли капаят, разбиваются... Сыро в колодце, сыро и глубоко, и как будто в нем кто-то дышит, и дыхание у него ледяное. Скрипит подъемная цепь, ложатся на ворот петли железные, что-то ухаает, тянет силой неведомой снизу, слушает, ждет тебя в глубине, на дне, в тишине.

Поднял папа ведро, поставил на лавочку, а в нем солнце. Перелили солнце в наше ведро, папа лодочкой ладоней его зачерпнул... вы когда-нибудь пили солнце?

Третий день без дождя, пятый день. Птицы не поют, лягушки попрятались, «даже комары пересохли», только пахнут по-прежнему в малине клопы, пересохла и лужа наша бездонная, в какую бросали камушки до Америки. Вот они лежат, не попадали, и мы с Мишкой смотрим на Аньку: «Ну и?..» – «Земля просто твердая», – подумав, объясняет нам она очевидное, и действительно твердая, белая, вся потрескалась без дождя. И стоит над садом настоящая радуга, полосатая, бьют по листьям, по голодной земле огромные капли... Это дали воду канальскую! Поливаем!

